

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
О-83

О-83 **Откуда** пошла Русь? Норманская теория : переводы / Август Шлецер, Готлиб Байер, Герхард Миллер. — Москва : Родина, 2024. — 224 с.

ISBN 978-5-00222-269-8

В XVIII веке историческую науку в России создавали немцы. Именно тогда появилась норманская теория, в соответствии с которой государственность принесли на Русь норманны, пришлые скандинавы. Имена авторов этой теории — Августа Шлецера, Готлиба Байера, Герхарда Миллера — стали нарицательными. С ними спорят, их проклинают. Но никто их не читал. В этой книге впервые собраны программные произведения этих историков — классика таинственной норманской теории, не изучив которую невозможно познать, «откуда есть пошла Русская земля». Чтобы отвергать, нужно знать. Поэтому приглашаем вас к чтению!

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00222-269-8

© Тростин Е., сост., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
<i>Август Шлёцер</i> . Начало Руси по русским летописям . . .	12
<i>Фридрих Штрубе де Пирмонт</i> . Древние россияне	24
<i>Готлиб Байер</i> . Варяги и Русь	30
<i>Герхард Миллер</i> . Происхождение народа и имени российского	70
<i>Герхард Миллер</i> . О народах, издревле в России обитавших	117
Комментарии	201
Приложение. «Повесть Временных лет» о призвании варягов на Русь	214

Предисловие

Викинги (норманны, варяги) — общее название скандинавских народов, более всего известных своими морскими походами и набегами на европейские земли. Эти набеги начинаются в VIII веке н.э., достигают пика в IX веке, а в последующие два столетия постепенно прекращаются.

Причинами походов викингов были, с одной стороны, перенаселённость приморских районов Скандинавского полуострова, нехватка пригодных для обработки земель, а с другой, общее потепление в эту эпоху, в частности, освобождение ото льда норвежских фьордов, Северного моря и северной части Атлантического океана, что способствовало прогрессу кораблестроения у скандинавов.

Если на Севере викинги совершали плавания в поисках новых, пригодных для заселения земель (там они достигли Гренландии и Северной Америки), то на юго-западе и юго-востоке Европы целью походов вначале являлся грабёж, затем здесь начинают создаваться опорные пункты для торговли, позже возникают государства викингов.

Этот процесс наиболее активно идёт в IX веке: викинги вторгаются в германские земли, во Францию и Британию, в Испанию и Португалию, в Северную Африку и Италию. В Британии центром их экспансии и одновременно торговли стал город Йорк, где образовалась «область датского права», во Франции они захватили обширные земли на западе страны, где позже было образовано герцогство Нормандское, на юге Италии викинги также основали своё государство.

В X веке правители викингов породнились со многими европейскими правящими домами: так английская династия всё больше становилась скандинавской, и, в конце концов, полностью стала ею после битвы при Гастингсе 14 октября 1066 года, где нормандский герцог Вильгельм II Завоеватель разбил войско английского короля Гарольда Годвинсона и захватил Англию (следует отметить, что и Гарольд был скандинавом по происхождению).

Понятно, что викинги не оставляли своим вниманием и восток Европы: в землях пруссов они держали в своих руках торговые центры Кауп и Трусо, откуда начинался «янтарный путь» в Средиземноморье; в Финляндии следы их длительного присутствия обнаружены на берегах озера Ванаявеси; на будущих русских землях археологические свидетельства о присутствии скандинавов найдены в Старой Ладоге, Тимерёве, Гнёздове, Шестовице и в ранних городах — Новгороде, Пскове, Киеве, Чернигове.

Таким образом, к IX веку викинги на востоке Европы основали свои опорные пункты вдоль всего пути «из варяг в греки» и, так же как в западной Европе, влияние викингов на жизнь местных народов усиливалось. Нет ничего удивительного, что именно викинги-варяги основали государство у восточных славян, как об этом сообщает «Повесть временных лет». Призванные на княжение Рюрик и его братья Синеус и Трувор были типичными представителями скандинавской знати. По одной из версий, Рюрик являлся викинг-Рориком Ютландским (или Фрисландским) из рода южнодатских правителей династии Скъёльдунгов.

Имя Рюрик происходит из прагерманского языка, который является прообразом скандинавских языков: оно базируется на германских корнях *hrōþaz* — «слава» и *riċ* — «воин-правитель». Имена его братьев — Синеус и Трувор — происходят от древнескандинавских *Signjótr* и *Þórvar*. Эти имена хорошо известны в рунических надписях.

Само название государства восточных славян «Русь» возводится к древнескандинавскому *rôfr* «гребец» или *rôfrskarlar* — «гребцы, мореходы». «Роусью» («Русью») восточные славяне первоначально называли викингов из шведского Рудена, с которым у славян имелись устойчивые связи, поэтому именно к «роусьи» эти племена обратились с просьбой прислать посредника в междоусобных спорах. После вокняжения династии Рюрика в Ладоге и Новгороде этническое название правителей было перенесено на подвластный им народ по распространенной в Средние века модели (так, например, произошло название восточно-балканских славян «болгаре» — от болгар, тюркских завоевателей; французы — по названию завоевателей-франков). Академик А. А. Зализняк считает, что слово «русь» вначале обозначало только норманнов, а затем с норманнской элиты перешло на славян, живущих вдоль всего пути из «варяг в греки».

Целый ряд имен и слов древнерусского языка имеет доказанное древнескандинавское происхождение: Глеб, Игорь, Олег, Ольга, Рюрик; варяги, вира, стяг, пуд, якорь, ябедник (старое значение — чиновник), кнут, голбец и другие.

* * *

В раннем средневековье норманское происхождение древнерусского государства и правящей династии не вызывало никаких споров. Родство с викингами королевских домов Европы было, как уже отмечалось, обычным явлением и нисколько не умаляло местных правителей. Положение изменилось после долгого монголо-татарского ига, когда Россия, собранная из осколков Древней Руси, пытается вновь войти на равных в число европейских стран и даже подчеркнуть своё особое положение. Не случайно в начале XVI века возникает теория «Москва — Тре-

тий Рим», а в середине этого же века первый русский царь Иван Грозный яростно спорил со шведским королём Юханом III, доказывая, что русская династия ведёт своё происхождение не от варягов, а от «Августа-кесаря».

Через полтора века после этого положение резко изменилось: Пётр I, «прорубив окно в Европу», напротив, был заинтересован в доказательстве древних связей России с европейскими династиями. Приглашённые им немецкие учёные (своих в России тогда не было), добросовестно изучив русские летописи, подтвердили норманскую теорию. Однако эти учёные — Байер, за ним Миллер и Шлёцер не помышляли о том, чтобы унижить россиян, да Пётр и не позволил бы этого сделать. Норманская теория удачно вписалась в общую идеологию этого времени — до тех пор, пока на престол в 1741 году не взошла Елизавета Петровна.

Она захватила власть в результате государственного переворота, свергнув последнего представителя другой ветви Романовых — малолетнего императора Ивана VI Антоновича. Как всякому узурпатору, Елизавете было крайне важно доказать, что совершённый ею переворот был благом для страны, а предыдущее правление представляло собой сплошной кошмар. Для доказательства этого использовался миф о немецком засилье в правление Анны Иоанновны (1730-1740), двоюродной бабушки Ивана Антоновича. Её фаворитом был курляндский герцог Бирон, отсюда этот период получил название «биرونщины»; при Елизавете «биронщина» описывалась чёрными красками: утверждалось, что немцы обладали всей полной властью в России, творя страшные притеснения русским людям.

Между тем, верхушку власти при Анне Иоанновне составляли в основном те же лица, что были при Петре I — и русские, и немцы, — а политика её в целом была про-

должением петровских реформ. Бирон, объявленный при Елизавете воплощением зла, действительно неважно отзывался о русских, но исключительно в частных беседах, а в общественной жизни неукоснительно соблюдал русские традиции и постоянно посещал православные церковные службы, пусть и принадлежал к лютеранству. Россия сделалась для него вторым Отчеством: вернувшись из двадцатилетней ссылки, Бирон верно служил российскому государству до конца жизни. Что же касается жестокости правления Анны Иоанновны, оно мало чем отличалось от петровского, даже было сравнительно мягче.

Тем не менее, Елизавета всячески подчёркивала, что в отличие от Анны Иоанновны и Бирона ведёт политику в русских интересах. Борьба за «русскость» была перенесена и в научные споры, её возглавил М.В. Ломоносов. Он выступил с яростной критикой норманской теории, применяя своеобразные аргументы: так, он утверждал, что Рюрик, Синеус и Трувор были славянами и имена их тоже славянские. Никаких серьёзных доказательств этому не существовало, но Ломоносов упорно громил немецких учёных, продолжавших придерживаться «норманизма»: порой дело доходило до настоящих драк, причём, Ломоносов каждый раз отделялся незначительными наказаниями за рукоприкладство, поскольку правительство поддерживало борьбу с «норманистами».

* * *

В XIX веке изучение норманской теории стало более спокойным: к концу девятнадцатого столетия большинство исследователей принимало её, не ставя, однако, под сомнение способность славян самостоятельно создать государство. Главным здесь было наличие экономических и социальных предпосылок к его созданию, а не национальность первых русских князей.

Положение снова изменилось в период «сталинской империи». Исключительность советско-российского государства опять приобрела довлеющее значение в противоборстве с Западом, и норманская теория была объявлена орудием враждебных России сил. Этому способствовало использование «норманизма», доведённого до абсурда — до отрицания способности славян к самоуправлению, — в идеологии нацистской Германии. Конечно, Гитлер, призывая немцев к зачистке «жизненного пространства» на востоке Европы для германской нации, опирался не столько на «норманизм», сколько на расовую теорию о неполноценности славян вообще и русского народа, в частности, но и «норманизм» сыграл определённую роль в захватнических планах нацистов.

В результате, норманская теория в СССР долго была под запретом: она вновь была введена в научный оборот лишь в позднесоветские времена. В современной России битвы между норманистами и антинорманистами возобновились, причём, первых считают чуть ли не русофобами, а вторых — защитниками традиционных российских ценностей.

Примечательно, что несмотря на сложные отношения с Западом и антироссийскую риторику определённых политических кругов на Западе, никто из западных политиков не пользуется норманской теорией для обоснования неполноценности россиян. Это было бы нелепым анахронизмом, — в представлении Запада норманнская теория давно отошла в область чисто научных споров.

Август Шлёцер

Начало Руси по русским летописям

*(из книги «Нестор: русские летописи
на древнеславянском языке»)*

Нестор, первый русский летописатель

Киев на Днепре, в Украине или в Малой Руси, следовательно, еще в южной Европе, принадлежит к древнейшим городам нашей части земного шара, хотя никто не знает не только года, но и столетия, в которое он основан. Около 882 года был он уже главным и столичным городом нового русского государства, а спустя сто лет после сего принял он с остальной Русью христианскую веру.

Вскоре после крещения стали приходиться в Русь из Византийского царства монахи и пустынники. Иларион, пресвитер на Берестове, оставив свою церковь, пошел на Днепр на холм, где теперь стоит старый Печерский монастырь, а тогда был большой лес. Здесь вырыл он себе пещеру в две сажени глубины, часто приходил в нее с Берестова и молился Богу втайне. А в 1050 году великий князь Ярослав сделал его первым русским митрополитом.

Вскоре после того вздумалось одному мирянину из города Любеча идти странствовать. Пришед на святую гору, обошел он тамошние монастыри, возлюбил монашеское житье, пострижен одним из игуменов и назван Антонием. Пришел он на холм, где Илларион вырыл себе пещеру, которая ему понравилась, и он в нее вселился. После он выкопал себе новую пещеру, где пребывал в трудах, молитвах и посте. Вскоре узнали о том добрые люди и

Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) – немецкий историк, в 1761–1767 годах состоявший на русской службе в Санкт-Петербурге.

Шлёцер – один из авторов норманской теории возникновения русской государственности. Особенно резко выступил Шлёцер против искажения истории с патриотической целью. В этом отношении ему пришлось вынести большую борьбу с приверженцами противоположного взгляда.

стали приносить ему все нужное. Распространившаяся о нем слава возбудила некоторых просить его о приеме их в братство...

Число братии все умножалось и построили они монастырь и церковь возле него; затем Феодосий, избранный Антонием, занял место его. Феодосий принимал всякого к нему приходящего — здесь начинается Несторова история.

В том, что бессмертный сей муж есть точно русский, в том никто не сомневается, но настоящее место его рождения неизвестно. Татищев думал, что отыскал оное на Белоозере, но он обманулся ложным или не так прочитанным разнословием, находящемся в одном только Радзивилловом сборнике.

Нестор оставил две книги: «Житие некоторых игуменов и других богобоязливых мужей Печерского монастыря», но несравненно важнее и дошедшее до нас сочинение его есть Временник, который доставил ему по превосходству почетное звание русского летописателя. Временник сей очень важен сам по себе, ибо без сего монашествующего брата что знали бы мы достоверного о всем верхнем севере до XI столетия?

Но каким образом человек сей образовался на Днепре, а особливо, как пришла ему в голову мысли написать временник о своей земле на своем языке? Кого брал он за образец? Из каких источников брал он свои известия и как поступал вообще при своем описании?

С 988 года было дружеское и редко прерываемое сношение между Киевом и Константинополем. Священники, монахи, художники (архитекторы, живописцы и т.д.) отправлялись во вновь обращенную землю, а русские путешествовали в Грецию. Не удивительно, что весь временника Нестора сделан на византийский покрой, также

подражал он византийским историкам и в хронологическом расположении.

А источники, из которых почерпнул он свои известия? О многом писал он как современник, ибо государству его не исполнилось и двух столетий; многое узнал он, как сам говорит, от одного своего товарища, монаха Яна, умершего в 1106 году 90 лет отроду, следовательно, родившегося в 1016 году, спустя всего год после смерти Владимира Великого.

Но не было ли у него еще каких-нибудь древнейших письменных известий? Верно не Иоакимовские бредни. Если бы существовала когда настоящая Иоакимовская летопись, то возможно ли, чтобы Нестор ее не знал и не привел ее в свидетельство? Особливо, если бы сие древнейшие известия, как в отрывке ложной Иоакимовской летописи, совершенно отличались от Несторовых.

Но об Олеговом и Игоревом мирных договорах с византийскими императорами говорит он пространно, по крайней мере, помещены они во многих списках, что составляет для меня загадку. Столь пространные памятники в прозе не могли никак сохраниться славянскими преданием, но неужели тогда уже (в 907 и 945 годах) умели писать необразованные норманны? И византийцы ничего не говорят о сих двух важных договорах; Олега не знают даже по имени. Правда, сие происшествие случилось в то время, когда сделался величайший промежуток в византийской истории (813-959).

А каково его изложение? Точно по-византийски начинает он космографией, баснословствует о разделении земли между Ноевыми сыновьями и доходит до Вавилонского столпотворения, которое, однако, скоро оставя, приступает к вступлению в историю своего отечества. Тут доставляет он очень полезные и совершенно новые известия

о многих малых народах, обитавших тогда в Руси, прежде чем соединились они под одну державу. О переходах славян в древние времена говорит он много такого, чего нет ни в одном византийском историке, и что, однако, согласуется с прочими известными историями, или, по крайней мере, не противоречит оным.

Удивительно, с какой точностью отличает он славянские и финские племена; но то что он леттов (древних пруссов) мешает с финнами, а не со славянами, утверждает меня в моем старом, некоторыми людьми оспариваемом мнении, что летты составляют особенный, отличный от славян народ.

Также исчисляет смежные и отдаленные европейские народы, как тогда известны они были в Киеве.

После сего краткого вступления приступает он немедленно к своей истории. Повествование его о происхождении русской державы можно в настоящем смысле назвать всеобщим: как по странному, но понятному стечению вещей, три совершенно различных народа соединяются; как Рюрик, призванный только для того, чтобы быть простым предводителем, делается государем и т.д.

Но то что говорит он о путешествии апостола Андрея в Русь, есть благочестивое повествование, которого истину может оценить лишь тот, кто сведущ в церковной истории. Его Кий, Щек, Хорив, Лыбед, Радим, Вятко суть этимологические существа: перевозчик Кий мог быть и дать свое имя Киеву, но никогда не мог быть князем, которого уважали константинопольские императоры (однако последнее, может быть, вставлено позже).

Каким же был древний верхний север с 800 года, когда мало-помалу начал он открываться с многих сторон? Люди в нем уже были, но, верно, не в большом числе, ибо чем им питаться? Люди, разделенные на малые орды, предводи-

тельствуемые старейшинами или кациками, которых баснословы, следуя греческому обычаю, называли царями и князьями; люди, очень способные к образованию, которого, однако, сами себе дать не могли, а должны были ждать от внешнего побуждения; не имеющие политического постановления, сношений с иноплеменными, письма, искусства, религии, или только глупую религию.

Вот как изображает нам честный Нестор землю свою до Рюрика, т.е. до 860 года: как пустыню, в которой жили порознь небольшие народы, которых всех исчисляет он подробно и часто, с точностью определяет место их пребывания; которые жили, а не кочевали, жили в городах, не похожих на нынешние города, а на огороженные деревни. Русские летописи очень обстоятельно описывают, как мало-помалу в последующих только столетиях возникли настоящие города в Руси.

Первый шаг к образованию, сделанный новгородцами и соседственной чудью, состоял в том, что те и другие, хотя и против воли, поставили у себя государя; второй же шаг состоял в том, что первые около 1000 года, хотя и тоже против воли, крестились.

Прочие северные народы достигли своего образования по другим степеням. В последней четверти восьмого столетия голод, а потом мщение против франков погнало ютландских норманнов в Немецкое море и на юг; их набеги им удавались и этот пример, вместе с голодом, повлек за ними и прочих норманнов. В IX столетии с удивлением видим, что множество малых народов, вскоре один за другим и по большей частью неволей, соединяются и образуются в шесть правильных больших держав: Данию, Норвегию, Исландию, Швецию, Польшу и Россию. Как это сделалось, знаем мы только про Норвегию, Исландию и Россию.

Нестора можно и должно исправлять с помощью прочих исторических познаний; в коротких словах скажу, что произвело одно простое сличение его переписчиков.

I. Все показывают год, в который призваны варяги, в который они пришли, в который Рюрик сделался государем, и все это ложь, ибо в начале русской истории совсем нет верной хронологии и грубые противоречия ощутительны.

II. Начало Руси — не теперь отыскано, ибо слава этого принадлежит Байеру, — но выведено из всякого сомнения. Никто, кто только что-нибудь читал о норманнах, не может принять варягов ни за кого более, кроме норманнов; сам Болшев убедился бы, что Рюрик был немец, а не финн, а Варяжское море было Балтийское, а не Ладожское озеро.

III. Никто не может более печатать, что Русь, задолго до пришествия Рюрика, называлась уже Русью. До сего времени земля эта не имела никакого общего названия, а получила его только от некоторой особенной части варягов, называемых руссы, ибо это говорит сам Нестор, противоречить которому есть то же, что признавать ложную Иокимовскую летопись за истинную.

Что хотя многие считают весьма вероятным, что эти руссы означают шведов, то если они и обманываются, то не за что считать их государственными преступниками; а равно и тех, которые думают, что прародитель высокого Рюрикова племени упражнялись в (тогдашнем) почетном ремесле прародителей англо-саксонских королей.

IV. О древних городах Славянске и Русе Нестор столь же мало знает, как о сродстве Рюрика с императором Августом. Даже существование самого Гостомысла подвергается опасности от грубых противоречий и т.д.

В описаниях происшествий, бывших при последующих государях, а особливо при Ольге и Владимире Великом, представляются такие же вздорные басни и несообразности, принадлежащие как переписчикам, так и самому Нестору, и которые должна разобрать критика.

Неизвестно, до какого места писал Нестор, ибо временник его смешан без отделения с продолжателями оно-го. Татищев думал, что Нестор перестал писать в 1093 году, ибо здесь в некоторых списках на конце поставлено увещание, оканчивающееся амином.

Предлагаемое мною начертание истории

Первый закон в истории — не говорить ничего ложно-го. Очистить малообработанную историю от басен, ошибок и вздорных мнений, можно по справедливости назвать трудом, заслуживающим уважения, хотя часто и неблагодарным. Нелегко отстать от положений, которые долгое время вообще всеми принимались; оскорбляешься, если покажут тебе важную, а часто даже смешную ошибку; сердисься на того, кто смеет противоречить всем, кто только разрушает, вместо того чтобы созидать, и кто только из одной ученой дерзости возводит сомнения на доказанные истины.

Но сомнения и легкоеверие суть две крайности, которые подобно всем крайностям, ни к чему не годятся. Что я их знаю и от обеих остерегаюсь, тому служит одно место, напечатанное мною:

«Человек, находящий повсюду в истории сомнения, не как картезианец, но как раскольник, есть презрительное творение, заслуживающее ненависть или сожаление, смотря по тому, отчего происходит его сомнение: от простой ли охоты говорить что-нибудь новое, или от неспособности понимать основательные начала.

Но легковерный, верующий без основания, и суеверный, верующий против основания, походит на старую бабу, которая верит только тому, чему верят другие, которая не может рассматривать, не хочет исследовать, и только что бранится, если нарушат спокойную ее веру: разве мало наносят вреда истории сии оба рода людей?..».

Первый, кто изгнал из британской истории Приама, из французской Брута, из немецкой Сакса и Франка и т.д., верно от современников своих был почтен за неверующего и даже нажил врагов. Второе поколение само уже начало сомневаться, а третье совершенно примирилось с первым неверующим и даже сделалось ему благодарным.

* * *

Из сделанного мною исследования до самой Рюриковой смерти следует теория и вместе начертание, как можно и должно начатый мною труд продолжить и усовершенствовать более, нежели мог я это сделать в моем положении. Эти страницы относятся единственно к русским читателям, даже не к историкам, если только они ученые. В существе они содержат все то, что я напечатал за 35 лет, только сокращенно и гораздо определеннее. В Германии моя книга принесла пользу, как я вижу из всех учебных книг по европейской истории, но в России осталась совершенно без действия.

Тогда обнимал я всю древнюю русскую историю до Романовых. Взор на ужасную, но совершенно еще грубую громаду воодушевил меня и я написал:

«Какое ужасное понятие представляет русская древняя история! Я почти теряюсь от величия оногo! История такой земли, которая составляет 9-ю часть обитаемого мира и в два раза больше Европы; история такой земли, которая в два раза обширнее земли Древнего Рима, хотя

и называющегося обладателем Вселенной; история такого народа, который 900 уже лет играет важную роль на театре народов... история державы, соединяющей под своим скипетром славян, немцев, финнов, самоедов, калмыков, тунгузов и курильцев, народов совершенно различных языков и племени, и соседствующего со шведами, поляками, персами, бухарцами, китайцами, японцами и североамериканскими дикарями, — история России, сего настоящего рассадника народов, из южной части которого вышло столько народов, разрушивших и основавших целые царства.

Раскройте летописи всех времен и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась с русской! Это история не какой-нибудь земли, а целой части света, не одного народа, а множества народов, которые различаясь между собой языком, религией, нравами и происхождением, соединены под одну державу завоеваниями, судьбой и счастьем.

Русская история есть вообще: I. бесконечно пространная по множеству или совсем не описанных, или недостаточно описанных народов, составляющих части сего великого целого, члены сего исполинского политического тела; II. чрезвычайно важна по непосредственному своему влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую древнюю историю; III. очень верна по богатству своему в достоверных временниках и прочих исторических источниках».

В этом воспламенении делал я обширные начертания, соразмерные величию государства и богатству истории оною; начертания, долженствовавшие объять все, и для выполнения которых нужно было всемогущество Екатерины II; и действительно в самое то время, в царствование сей великой женщины заблистал и новый свет в

русской словесности. Но все мои патриотические и космополитические желания подавлялись густым туманом, окружавшим тогда Академию...

В царствование Екатерины и самой ею удивительно много сделано в отношении познания отдаленных народов ее царства, но для отечественной истории — ничего. Даже небольшое число летописей издавалось не всегда надлежащим образом; простое же печатание наполненных ошибками временников, хотя и достойно благодарности, но нельзя назвать обработыванием истории.

* * *

Неисторик может меня спросить: предлагаемое мною начертание истории есть ли точно лучшее или даже единственно хорошее? Не говоря, что польза, даже необходимость одного очень ясно уже показаны в моем небольшом опыте, у меня готово еще другое доказательство, могущее скорее убедить многих. Это начертание принадлежит не мне, не я изобрел его, но научился от других и приносив только к русской истории. Все упражняющиеся в истории народы, которые давно уже имеют достойную себя отечественную историю, так и делали и должны были так и делать.

А если и здесь не поверить моему слову, то должен защититься мнением людей известных, из которых привожу одно:

«Как должно обрабатывать и критически употреблять русские летописи, первый Шлецер показал настоящим образом, и его приложение испытанных и давно уже в южной европейской истории употребляемых критических правил к русской истории может, наконец, доставить сей истории достойное основание».

Второе свидетельство. Один геттингский ученый объявил о моей книге вскоре по напечатании оной, в тамошних ученых известиях (я был тогда русским профессором).

Рецензент не только извинил тогдашнее мое мечтание, но сам принял обширное мое начертание и даже распространил его. Он смотрел на это дело с новых сторон, мною не замеченных, и распространил великие идеи, которых я не смел иметь.

Сия прекрасная и, не для одного меня, но для всех полезная рецензия должна была бы подействовать более моей книги; но и та, и другая рецензия теперь верно забыты, по крайней мере, в России.